

Боруленков Юрий Петрович,
заместитель директора
Института повышения квалификации
Следственного комитета России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: borulenkov@bk.ru

Допустимость доказательств: время перемен?

В статье автор рассматривает различные методологические подходы к определению содержания понятия «недопустимое доказательство».

Ключевые слова: доказательственное право; доказательство; допустимость доказательств; недопустимое доказательство.

In the article the author examines the different methodological approaches to the definition of the content of the concept of «inadmissible proof».

Keywords: law of evidence; proof; admissibility of proofs; inadmissible proof.

Существование доказательственного права является одним из факторов, которые отличают процессуальное познание от других форм исследования прошлых событий.

Под благовидным предлогом можно любую процессуальную форму довести до абсурда. И это у нас достаточно удачно получалось. Так, например, совсем недавно мы вполне серьёзно обсуждали вопрос допустимости процессуальных документов на бланках без так называемого подстрочного текста.

Анализ изменений и дополнений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, позволяет констатировать перенос уголовно-процессуальной деятельности в стадию возбуждения уголовного дела и стирание различий между процессуальной и непроцессуальной деятельностью органов следствия и дознания. Сделав движение по деформализации доказывания, допустив возможность обретения результатами проверочных действий значения доказательств, законодатель дал понять в каком направлении идёт реформа.

Состоявшиеся изменения процессуального законодательства, возможный в дальнейшем переход к так называемому административному (полицейскому) расследованию как форме досудебного производства (и соответственно ликвидация предварительного следствия)¹, с неизбежностью повлекут пересмотр понятия «процессуальное доказательство», способов собирания доказательств и их допустимости

Уголовно-процессуальное законодательство в целом, и институт допустимости доказательств в частности являются системой самоограничений государства на использование средств доказывания обвинения, которые вытекают из обязательства вести борьбу с преступностью исключительно в правовой форме. В степени формализации процедуры и определении стандартов допустимости доказательств выражается политическая целесообразность в выборе приемов социальной защиты от преступности².

Мы можем констатировать жесткую зависимость содержания понятия

¹ Подробнее см.: Боруленков Ю.П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования // Российский следователь. 2013. № 10. С. 6-11.

² См.: Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 1. Российский и международный опыт // Российский следователь. 2012. № 4. С. 34.

«недопустимое доказательство» со степенью заформализованности как уголовно-процессуальной формы в целом, так и предварительного расследования в частности. Существенное влияние при этом оказывает и текущее насыщение понятия «процессуальное доказательство». Более того, в этом контексте нам представляется возможным содержание понятия «недопустимое доказательство» определить, если можно так выразиться, как количественным критерием, так и качественным подходом.

Следует отметить, что понятие «допустимость доказательств» по сути противоречиво, поскольку с точки зрения законов логики не может быть недопустимым имеющееся доказательство. Однако на нынешнем этапе развития теории доказательств, говоря о формировании доказательств, их проверке или оценке, отмечая, что имеются в виду потенциальные доказательства, следует применять термин «процессуальное доказательство» с момента его получения соответствующим субъектом уголовно-процессуального познания до момента, пока оно не будет по каким-либо признакам забраковано и исключено из совокупности.

Как мы ранее писали, формулируя правила о допустимости доказательств, законодательство осуществляет это, прежде всего, в позитивной форме с тем, чтобы направлять сам процесс юридического познания и доказывания³. Очевиден искусственный, формальный характер правил, регулирующих допустимость доказательств, определяющих их юридическую силу. Как пишет Ю.А. Кожевникова, большинство определений допустимости сводится к перечислению признаков, характеризующих процессуальную форму доказательств⁴.

Закон регламентирует вопросы допустимости и в негативной форме, т.е. путём запрета использовать в качестве доказательств те или иные материалы (ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Так, УПК определяет случаи, когда определённые лица не могут быть допрошены в качестве свидетелей (потерпевших) или когда сведения определённого содержания, сообщаемые указанными участниками процесса, не будут иметь доказательственного значения (ч. 3 ст. 56; п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

В юридической литературе практически всеми авторами в той или иной формулировке выделяются следующие компоненты допустимости доказательств: а) известность и возможность проверки их происхождения; б) компетентность и осведомлённость лиц, от которых они исходят и которые их собирают; в) соблюдение общих правил доказывания; г) соблюдение правил собирания данных определённого вида, гарантирующих от неполноты и искажений; д) отказ от включения в них догадок, предположений⁵.

Такое понимание допустимости обусловлено избранной трёхчленной концепцией доказательства: 1) материальная форма существования (средство доказывания, вид доказательства); 2) содержание (сведения, информация как отражение материального мира и его свойств); 3) процессуальный способ получения

³ См.: Боруленков Ю.П. О допустимости доказательств // Законность. 2003. № 9. С. 30-33.

⁴ См.: Кожевникова Ю.А. Исключение недопустимых доказательств из разбирательства уголовного дела: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 12.

⁵ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 231-232; Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 27; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 129; Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2001. С. 42-43; Сильнов М.А. Вопросы обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе (досудебные стадии). М., 2001. С. 4-8; и др.

доказательства⁶.

А.А. Давлетов считает, что допустимость доказательства складывается из доброкачественности носителя информации, законности способа получения информации и соблюдения предусмотренного законом процессуального способа закрепления информации⁷. Таким образом, допустимость характеризует два элемента: объект-носитель и форма закрепления носителя информации. Третий элемент – сама доказательственная и иная информация – этим свойством не обладает.

Особо следует выделить процессуальные нарушения, влекущие недопустимость доказательств, – несоблюдение каких-либо общих правил производства по делу. Их особенность в том, что они касаются не только доказательств, но приводят к недействительности всех других процессуальных действий и решений. Такая ситуация возникает, например, когда нарушен порядок возбуждения уголовного дела, истекли сроки предварительного расследования и т.д.

Следует согласиться также с мнением С.А. Шейфера о том, что недопустимость доказательства порождает и использование ненадлежащих средств доказывания, не соответствующих характеру следов преступления и предусмотренному законом порядку их изъятия (очная ставка, проведённая вместо опознания). Такие же последствия наступают в случаях, когда следователь при получении доказательств произвольно изменяет требуемое законом сочетание познавательных средств (следственных действий). Например, не соблюдаются требования закона о том, чтобы очная ставка проводилась между двумя ранее допрошенными лицами; приобщению к делу вещественного доказательства предшествовал его осмотр и т.д., что проявляется в существенных отступлениях от порядка проведения следственного действия, вызывающих искажение информации⁸.

Хотя рассмотренные выше элементы допустимости никем не оспариваются, сущность допустимости понимается по-разному. Встречается смешение допустимости с другими свойствами доказательств. В частности, авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе», обсуждая проблемы допустимости доказательств и говоря об отрицательных характеристиках фигурантов по делу, утверждают, что они «сами по себе не имеют доказательственного значения, недопустимы в этом качестве»⁹.

Представляется, что речь может идти об иных свойствах – достоверности, относимости, но не о допустимости. Если характеристики или показания получены законным путём, они вполне допустимы и могут быть исключены из совокупности доказательств лишь по другому свойству. Думается, что авторы «Теории доказательств» допускают ошибку, относя к правилам допустимости доказательств законодательный запрет обоснования обвинения признанием обвиняемого, не подтвержденным другими доказательствами¹⁰. На наш взгляд, в данном случае законодательство выделяет частный случай правила достаточности доказательств.

Смешение допустимости с достоверностью допускает С.А. Шейфер, считающий,

⁶ Подробнее о понятии «процессуальное доказательство» см.: Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. Монография. Владимир, 2006. С. 129-144.

⁷ См.: Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997. С. 89.

⁸ См.: Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 34-35.

⁹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 237.

¹⁰ Там же. С. 238.

что доказательство может быть признано недопустимым, когда применённый познавательный приём (следственное действие) оказывается недостаточно эффективным¹¹.

Н.В. Сибилёва одним из признаков допустимости доказательств считает строгое соблюдение норм нравственности при их получении¹². По нашему мнению, прав Н.М. Кипнис, который, возражая Н. В. Сибилёвой, пишет, что если, например, при проведении следственного эксперимента были унижены честь и достоинство участвующих в нем лиц, то результаты будут лишены доказательственного значения ввиду нарушения требований процессуальной нормы, а не этических норм. При отсутствии прямого законодательного запрета нельзя считать сведения, полученные с нарушением норм нравственности (этических норм), недопустимыми¹³.

О допустимости доказательств пишет И.С. Федотов, рассматривая вопрос о вторжении органов расследования в сферу личных интересов малолетних потерпевших путем производства следственных действий¹⁴.

Сказанное свидетельствует о необходимости чёткого разграничения допустимости и других свойств доказательств. Этот вопрос выходит за рамки абстрактно-теоретического, поскольку, например, в суде присяжных обсуждение допустимости доказательств может производиться только в отсутствие присяжных заседателей. С доказательствами, признанными недопустимыми, присяжные знакомиться не должны. На другие свойства доказательств (относимость, достоверность) такие ограничения не распространяются.

Таким образом, можно определить следующие критерии отграничения допустимости от других свойств доказательств. Во-первых, допустимость относится только к форме и не касается содержания доказательства. Содержание характеризуют другие свойства доказательства. Во-вторых, допустимость определяется, соблюдением формальных правил, прямо указанных в законе.

Пункт 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ устанавливает, что к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого и обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтверждённые подозреваемым или обвиняемым в суде.

По нашему мнению, к нормам, касающимся понятия допустимости доказательств, следует отнести и предусмотренное ч.1 ст. 281 УПК РФ ограничение в возможности исследования судом показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства.

В теории доказательств общепризнанным считалось, что доказательства, полученные законным путём, безусловно, являются допустимыми. Причём законность определялась самим моментом формирования доказательства. По-видимому, формулируя правила допустимости доказательств в позитивной форме, законодатель

¹¹ См.: Шейфер С.А. Указ. соч. С. 34-37.

¹² См.: Сибилева Н.В. Допустимость доказательств в советском уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1986. С. 16; об этом также: Гришина Е.П., Абросимов И.В., Левеев Ю.Е. Нравственный критерий допустимости доказательств – миф или реальность? // Исполнительное право. 2008. № 2. С. 42-44.

¹³ См.: Кипнис Н.М. Указ. соч. С. 25.

¹⁴ См.: Федотов И.С. Особенности оценки доказательств в процессе расследования насильственных преступлений, совершённых в отношении малолетних // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 5. С. 378.

стремится направлять процесс доказывания, вводя за отступления от рекомендованного законом порядка собирания доказательств «санкции» для стороны обвинения в виде правил допустимости в негативной форме.

Указанные новеллы УПК РФ ограничивают сторону обвинения в возможности предоставления суду доказательств, которые на момент формирования и судебного заседания являются законными. Введение данных доказательств в судебный процесс определено следующими условиями: в первом случае – подтверждением подсудимым своих показаний, данных в ходе досудебного производства; во втором – согласием сторон на оглашение. Таким образом, в законодательстве обозначена категория доказательств, которые можно назвать *условно-допустимыми*.

Авторы «Теории доказательств» отмечают необходимость различать решение вопроса о допустимости доказательства в момент обнаружения и в момент использования для обоснования приговора¹⁵. Требование такого различения основано на том, что к признаку допустимости отнесено исследование доказательства в судебном заседании. Мы считаем, что рассмотрение доказательства в судебном заседании должно быть отнесено к условиям судебного разбирательства, в частности непосредственности исследования судом доказательств. Допустимость доказательств определяется, прежде всего, моментом формирования доказательства, за исключением прямо указанных в законе случаев, о которых мы говорили выше.

На стадии судебного разбирательства В.В. Золотых выделяет ещё один критерий допустимости доказательств – «правило о несправедливом предубеждении». Это правило должно защитить присяжных заседателей от влияния доказательств, которые могут отрицательно сказаться на степени объективности их решения и, как следствие, привести к выводам, основанным на эмоциях, несправедливом предубеждении¹⁶. В данном случае условием недопустимости доказательства является рассмотрение дела судом присяжных заседателей. Доказательства указанной категории в обычном судебном производстве будут признаны допустимыми и исследованы судом.

Говоря о *количественных показателях содержания понятия* «допустимость доказательства», мы, прежде всего, имеем в виду его прямую непосредственную связь с собственно понятием «процессуальное доказательство» и степенью формализации процессуального законодательства. Чем больше заформализовано законодательство – тем шире перечень возможных оснований для признания доказательства недопустимым.

В не меньшей степени содержание понятия «недопустимое доказательство» зависит от *качественного (концептуального) подхода* к последствиям нарушения процессуальной формы. Общепринятая приведенная выше советско-российская концепция понятия «процессуальное доказательство» позволяет в один и тот же период существовать параллельно двум диаметрально противоположным подходам¹⁷.

Некоторые авторы отмечают, что императивный характер требований ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ч. 1 ст. 75 УПК РФ не позволяет вдаваться в оценку того или иного

¹⁵ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 233.

¹⁶ См.: Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д., 1999. С. 34-39.

¹⁷ См.: Гришина Е.П., Саушкин С.А., Абросимов И.В. Дискуссионные проблемы допустимости доказательств в науке уголовно-процессуального права (теории «беспощадного исключения доказательств», «плодов отравленного дерева» и «асимметрии правил допустимости») // Мировой судья, 2008. № 1. С. 58-59.

нарушения закона, допущенного при производстве по уголовному делу. Схема логического рассуждения предельно проста: если выявлено любое, даже самое незначительное отступление от закона при собирании и закреплении доказательств, то их аннулирование со всеми вытекающими отсюда последствиями неизбежно¹⁸.

Иногда этот подход называют доктриной «плодов отравленного дерева», которая применяется в англо-саксонском процессе. Правило гласит, что в том случае, если некую выгоду органы уголовного преследования получили за счет незаконного действия, то выгода уничтожается¹⁹. Плодами отравленного дерева именуются доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального закона. Сторонники этой концепции выступают за безусловное признание недопустимыми доказательствами тех из них, которые получены с нарушением процессуального закона, независимо от характера и степени этих нарушений²⁰, причем недопустимыми должны признаваться не только первичные доказательства, но и полученные на основе содержащихся в них сведений вторичные доказательства.

С.Д. Шестакова, вполне обоснованно отмечает, что в силу императивности формулировок норм о недопустимости доказательств в российском уголовно-процессуальном праве, «в качестве условия исключения доказательства не требуется констатации того, что нарушение причинило или могло причинить вред заинтересованным лицам, повлекло или могло повлечь недостоверность доказательства. Конструкция правила о недопустимости доказательств в российском уголовном процессе исключает потребность в «тесте пропорциональности», известном германскому уголовному процессу, в установлении вреда, причиненного заинтересованной стороне, что предусмотрено во французском уголовном процессе, в свойственной английскому уголовному процессу оценке, будет ли допуск соответствующего доказательства отвечать требованию справедливости судебного разбирательства. Причем в российском уголовном процессе для исключения доказательства достаточно нарушения не только конституционного права, как это, например, предусмотрено в уголовном процессе Испании или США, но и любого другого права, закрепленного в УПК РФ или ином федеральном законе, а также любых правил производства процессуальных действий, включая технические формальности»²¹.

Более взвешенную позицию занимают те ученые, которые выступают за дифференцированный подход к оценке допущенных нарушений закона при определении допустимости доказательства. И здесь существенную роль играет то обстоятельство, что уголовный процесс проводится государственными органами, использующими исключительно формализованные правила о доказательствах, результатом чего является то, что от суда отсекается значительная часть материала,

¹⁸ См.: Зажицкий В. Указ. соч. С. 26-27.

¹⁹ См.: Пашин С.А. Доказательства в уголовном процессе. Проблемная лекция (20.04.1999, Москва). URL:http://terralegis.org/terra/lek/lek_4.html [Дата обращения 03.07.2013].

²⁰ См.: Чувилев Н., Лобанов А. Плоды отравленного дерева // Российская юстиция. 1996. № 11. С. 47-49.

²¹ Шестакова С. Д. Допустимость доказательств: подходы континентального и общего права. // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Международ., науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27-28 янв. 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 404. См. также: Шестакова С.Д. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и США // Уголовное право. 2004. № 3. С. 100-102.

который является в основном относимым и который любой здравомыслящий исследователь захотел бы принять во внимание при реконструкции фактов.

Придерживаясь аналогичной позиции, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона в следующих случаях: а) если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина; б) если нарушен установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления; в) если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом; г) если собирание и закрепление доказательств осуществлено в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами²². Верховный Суд РФ фактически разграничивает нарушения закона на несущественные и/или устранимые в противовес существенным и/или неустрашимым, предусматривая для них противоположные правовые последствия²³.

Конституционный Суд РФ определил существенное процессуальное нарушение как препятствие для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое как повлекшее лишение или стеснение гарантируемых законом прав участников уголовного судопроизводства исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора и фактически не позволяет суду реализовать возложенную на него Конституцией РФ функцию осуществления правосудия²⁴.

Таким образом, не любое нарушение закона изначально предопределяет возможность признания доказательства недопустимым, а лишь то, которое непосредственно связано с существенным нарушением процессуального законодательства, прав и законных интересов граждан. За основу содержания понятия «существенности» нарушения предлагается взять правовую позицию законодателя, выраженную им в формулировке ч. 1 ст. 381 УПК РФ. т. е. существенным должно признаваться такое нарушение, которое путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ или федеральными законами прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения установленной процедуры судопроизводства или иным путем повлияло или могло повлиять на достоверность данного доказательства.

Рассматривая вопрос правовых последствий нарушений процессуальной формы, следует еще сказать о концепции так называемой «асимметрии» допустимости доказательств, существенно влияющей на объем содержания понятия «недопустимое доказательство», суть которой заключается в том, что процессуальные нарушения, допущенные при получении доказательств, должны влечь разные последствия для сторон. Сторонники этого подхода считают, что доказательства, свидетельствующие в пользу защиты, остаются допустимыми, несмотря на процессуальные нарушения²⁵.

²² О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 г.

²³ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 5 марта 2004 г.

²⁴ Пункт 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П.

²⁵ См., например: Кипнис Н.М. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность. М., 2000. С. 173-195; Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 50-51; Кипнис Н.М. Допустимость доказательств по новому УПК / Возможности защиты в рамках нового УПК России: Материалы Науч.-практ. конф. адвокатов 17 апр.2003 г. / (Под ред. Г.М. Резника, Е.Ю. Львовой). М., 2004. С. 18-19; Баев М.О.

Данная концепция вызвала различное отношение²⁶.

Соглашаясь со сторонниками концепции «асимметрии допустимости», считаем ее вполне оправданной и обоснованной. «Убытки» доказывания должны ложиться на сторону, по вине которой они наступили.

Качественно иной подход к проблеме допустимости доказательств, основанный на стандарте справедливости, присутствует в странах с иными концепциями понятия «доказательство» и полицейским (административным) расследованием. Самым общим правилом в отношении допустимости доказательств, например в американском доказательственном праве, является то, что доказательство является допустимым, только если оно относимо. Исполнение же установленных процедурных правил их собирания и обеспечение соблюдения законности при этом являются, несмотря на свою важность, лишь вторичным условием допустимости²⁷.

При этом на ряд действий полиции наложены запреты «правилом об исключении» («Exclusionary rule»), устанавливающим, что доказательства могут быть исключены из судебного процесса, если при их получении были нарушены права, гарантируемые Конституцией страны. Отмечается, что Верховный Суд США с достаточной гибкостью дает толкование Конституции США, приспособив его к нуждам современности и внося изменения в судебную практику, при которой в целом правило сохраняется, но сужается сфера его применения²⁸.

В США, Великобритании разрешение вопроса о допустимости доказательства, в частности доказательства, полученного спецслужбами путем проведения различного рода негласных операций, относится к дискреционному усмотрению суда. Суды учитывают различные обстоятельства, но главным критерием является критерий справедливости, критерии соразмерности, с одной стороны, средств, используемых публичной властью для получения доказательства, и, с другой стороны, тяжестью преступления, опасностью преступника, тем ущербом, который претерпевают права личности и ценности правового государства. Англосаксонская система правосудия в целом оставляет на усмотрение судьи разрешение вопроса о возможности получения полицией доказательств, в том числе посредством провокации, ловушки, введения в заблуждение преступника²⁹.

Доктриной «серебряного блюда» именуется в США способ легализации в качестве доказательств данных, которые были первоначально добыты субъектом с нарушением закона, однако впоследствии приняты судом из рук другого, неопороченного, субъекта доказывания. Иными словами, незаконно полученные

Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. Воронеж, 2004. С. 56.

²⁶ См.: Некрасов С. Допустимость доказательств: вопросы и решения // Российская юстиция. 1998. № 1. С. 9.

²⁷ См.: Щербаков, С. В. Доказательства в уголовном судопроизводстве США // Российский судья. 2010. № 4. С. 27-30

²⁸ См.: Бернам У. Правовая система США. М., 2006. С. 500; Сутягин К.И. Оценка допустимости доказательств с учетом концепции «добросовестного заблуждения» субъектов доказывания // Вестник Омского Университета Серия Право. 2008. № 1. С. 180-182.

²⁹ См.: Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 2. Российские регламенты устарели // Российский следователь. 2012. № 6. С. 36.

данные, помещенные на серебряное блюдо, как бы saniруются и становятся приемлемыми для правосудия³⁰.

В контексте настоящей статьи актуальным является высказывание А.Ф. Кони: «Есть, однако, много случаев и положений, ускользнувших от регламентации закона. Для них не могут быть установлены какие-либо обязательные нормы... Здесь все основывается на началах, почерпнутых из области *moralitae* (нравственности субъективной), на нравственной чуткости судьи, его житейской опытности, на настойчивом душевном саморазвитии и на искреннем стремлении не только казаться, но и быть справедливым»³¹.

Таким образом, свойство допустимости доказательств на современном переломном этапе становления российского уголовно-процессуального законодательства требует дополнительного изучения и на уровне методологии уголовно-процессуального доказывания и в сфере нормативного регулирования процесса собирания, проверки и оценки доказательств.

Следует особо подчеркнуть, что изменение парадигмы уголовного процесса России с неизбежностью повлечёт иные подходы к выстраиванию теории доказательств, со смещением акцентов на относимость, с возможным отказом от допустимости как характеристики процессуального доказательства³².

³⁰ См. об этом: Боруленков Ю.П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Владимир, 2009. С. 364-365.

³¹ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. СПб., 1902. С. 23.

³² См.: Боруленков Ю.П. Проблемы организации работы на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013). В 2-х частях. Часть 1. М., 2013. С. 371-383.